

КАТАРСИС

ВИГЕН СИМОНЯН

Виген Симонян

Катарсис

«Автор»

2026

Симонян В. Т.

Катарсис / В. Т. Симонян — «Автор», 2026

«Катарсис» – повесть о самоанализе, о том, как человек не выносит тяжесть повседневности и разбивается о свои же попытки. В нём представлен литературный герой, который обращается ко всему, что есть во внутреннем мире человека, будь то душа, сердце или разум. Литературный герой пробует стихами вылечить себя, и в процессе лечения изобрести универсальный медикамент для других. Но можно ли оперировать чужую душу, когда со своей ещё не разобрался? «Катарсис» – это не результат, это процесс. Это непрерывные мысли, где кровоточит каждая буква, а предложение создает рану. «Катарсис» – это не удаление шрамов, а их принятие и выставление на публику. Это крайность между гедонизмом и моралью. Это противоречия, которые человек совершает каждую секунду, и оправдывает их своей глубинной нравственностью. «Катарсис» – это благоразумное действие, основанное на рациональности.

© Симонян В. Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава N, Зной	5
ЧАСТЬ I	8
Глава I, Неопределенность	9
Глава II, Пар дошёл до руки	15
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Катарсис

Глава N, Зной

Стоит характерный зной для северного субтропического пояса. Не смог заснуть до пяти утра, а когда проснулся (где то в 10-11 утра), вся подушка была мокрая и прилипала к голове настолько отвратительно, что не хотелось подниматься, да что уж там подниматься, лечь хотя бы на бок, чтобы узнать время (поэтому и точного времени, когда я встал — не знаю). Дома мне выбрали самую удачную комнату из всех, поэтому летом свет солнца падал сюда начиная с 6-ти утра до рассвета. В ушах шипит от пота, который попал туда, стекая с самой макушки головы. Иногда пот доходил до губ, вкус солёный. Перед моим организмом стоял выбор из двух зол, первое — остаться в кровати и наслаждаться прекрасным видом из окна и самодельным автономным душем, а второе — встать и изо всех сил убежать в ванную, пока подсознание не почувствовало всю мерзость и так от меня не зависящей ситуации. Организм выбрал второе, разум тоже, сердце — первое. Я плюнул на сердце и ушёл в ванную.

Там меня встретила ледяная вода, которая молола мою кожу. Казалось бы, при моих обстоятельствах это должно было быть приятным происшествием, но, нет. Организму снова предстоял выбор из двух зол, но я уже, его не спрашивая, выбрал остаться под водой. Был там минут 6-7, если вода была бы тёплой, остался бы на два часа, стерпел бы даже остановку сердца. К счастью, холодная вода постоянно напоминала мне о себе, и вместе с ней и о времени, которое я там проводил. Шампунь я не трогал, уже помыл волосы прошлой ночью. Зачем я об этом упомянул? Если бы я знал. Наверное, иногда просто приятно сообщать другим о том, когда ты в последний раз помыл волосы, ибо с таким каждый день не делаются.

Планов на день у меня не было. Мой самоанализ и попытки понять, как работают самые простые и инстинктивно-понятные вещи занимали меня часами. Проблема была в том, что они лишь только занимали, к ответам я приходил не всегда, что было большой трагедией, ибо моя каждая клетка внутри хотела именно понять принцип работы. Видимо я не настолько умён для этого, и, к сожалению, другие тоже. У меня всё равно было уже очень много теорий, касающихся межличностных отношений и прочего. Иногда бывали тупики, где невозможно было открыть новую дверь, которая бы решила весь пазл. Из-за этого на меня нахлынула совершенная пустота в виде безвыходного и бесполезного саморазрушения. В ходе таких «процессов» моё лицо принимало угрюмый и неподвижный вид, который мог измениться на лицо смеющегося ребёнка и снова приходило в изначальное положение, как только я вспомню про концепции, теории, и остальные никому не нужные вещи в моей жизни и жизни других. Неудивительно, что во время таких процессов я мог потерять общение даже с самым близким человеком. В моем лице переставляли все мускулы таким способом, чтобы казалось, будто я, как дрель, пробую просверлить чью-то душу (на деле, я пробовал просверлить свою). В такие моменты человек ломается, как шестеренки старых часов, и пробует, насколько быстро это возможно, устранить все способы починить эти часы. Многие так и сделали, но я предпочёл чашку кофе.

Солнце рассказывает мне несмешной анекдот, и, чтобы показаться вежливым (хотя бы солнцу), я смеюсь. Презираю такую манеру общения, смех ради смеха, разговор ради разговора. Нет, поймите, разговор может быть совершенно бесцельным и мне он понравится, поскольку человек будет в это вкладываться с энтузиазмом, что мне сильно согреет душу (так как с энтузиазмом относиться к вещам во время всего, что происходит в мире и в человеческом разуме — похвально). Искусство ради искусства мне тоже не нравится, что за инстинктивная задача достигнуть симметричности лишь бы ушам и глазу было приятно? Приятно, когда рвут душу напополам и гордо развешивают на балконе как флаг с крючковатым крестом во время

второй мировой. Тот, у кого не рвётся душа, она либо слишком тугая, либо её и вовсе нет. Даже у мечтателя душа, которую ничего не может тронуть, должна хотя бы раз в жизни дать трещину.

О мечтателях говорят, что они занимаются самообманом, создают иллюзии (и верят в них), а я скажу, что самообман — лучшее изобретение истории человечества. Мы себя настолько сильно можем обмануть, что умудряемся быть эгоистичными, причём эгоистами является доминирующая часть человечества, из которой себя вынимать я права совершенно не имею. Так что самообманом больше занимаются те люди, которые обзывают таковыми мечтателей. Мечтатель же одна из разновидностей реалистов. Поскольку поменять тут ничего не получится, а пытаться даже не имеет смысла (ибо если попытаться, то через 200 лет все будут к тебе относиться как к Иисусу и истинно верить, но никак не слушать советам), мечтатели решили хотя бы попробовать обеспечить хорошую жизнь тем людям, которые находятся в том же самом состоянии.

Наверное, есть в этом какая-то последовательность, что люди, радикально верующие в какую-то идеологию, занимаются всем противоположным этой идеологии, чем только возможно заниматься (яркий пример тому крестonosцы).

Хотел бы я вести какой-либо счет дней, но монотонная ежедневность лета превращает все дни в одно целое. Отличается только количество мух в доме, которое решает скорость закрытия окна первого проснувшегося. Появилось странное чувство контроля подсознания, как будто я точно знаю, что нужно сознательно кидать себе в голову, чтобы уже в себе приходило к более интересным выводам.

Раньше такого не было.

Мой процесс решения проблем всегда был на поверхности, и я, соединяя точки, составлял вердикт. Сейчас — чувствую оба. Сознание и подсознание вместе строят гармоническое созвездие, правда, очень странное. Звёзды скопления «сознания», которых очень много, намного ближе, чем «подсознательные». Их едва видно, они угрюмо мерцают и пробуют взорваться, не стерпев вселенского хаоса, но, всё же откладывают это на потом. Зачем? Ну, а кто будет балансировать хаос, если стабильные звёзды будут взрываться? А может, хаос и есть в том, что они сопротивляются и не хотят этого делать? Не знаю, не моих рук дело, хоть и дело напрямую касается меня.

Подсознание, к сожалению, намного сильнее сознания. Мы его не чувствуем, собственно — не можем контролировать. Единственный способ держать его здоровым — это держать здоровым само сознание. Манипулировать собой тоже скверное занятие. Есть фраза «Притворяйся этим, пока не сделаешь это правдой». Помните я говорил про самообман? Это и есть процесс манипулирования подсознания. Внешний эффект потрясающий, внутренний — медленное саморазрушение, но внутреннее нас не интересует, ибо снова мы его не чувствуем. Почему? Безразличие.

Все хотят пить холодную воду, но никто не соглашается ставить её в холодильник. Главный поставщик воды выхожу всегда я, но все настолько заняты этой проблемой, что присутствие налитых бутылок даже не замечают.

На сердце чувствую суть и мотивы каждого окружающего меня индивидуума. Из-за этого случилось дежавю годовалой давности, когда между двумя бессмысленными действиями интуитивно выбираешь то, которое тебя убьёт. Голова болит. Слабо отличаю реальность от моих ощущений (могу точно показать на голове то место, которое раздражено во время конкретной эмоции). Весь день разговариваю со мной о каждой вещи происходящей вокруг, будь это прилив резкого потока воздуха из-за открывшейся двери, или внутренние физические отклики организма, на которые у меня развилась гиперсенситивность. Разговоры очень абстрактны, иногда доходят до абсолютного бреда, но я их понимаю лучше простых слов. Случилось *потрясение*. Сложилась хронологическая карта страданий по этапам и установилась их причина. При-

чина глупая, тоскливая, имеет смысл, только если охватить вселенский масштаб, который я всегда и беру в первую очередь. В этом и моя проблема; я человек вселенной, который ей не принадлежит. Начинаю замечать, что практически всё здоровое-субъективное лучше объективного. К сожалению, объективное мышление всегда более ограничено, чем субъективное, ибо смотря с точки зрения субъекта можно прийти к любой утопии, но из-за каждой утопии страдает тот, кто её не желал, ибо ему не дали выбора. Так странно, мы люди, которые виним людей в том, что они не могут построить хороший мир для людей. После вопроса «А как ты сам представляешь хороший мир?» винить становится некого. Вернусь к людям. Самая большая проблема для человека в том, что он не может от себя убежать. Мы — чистый инстинкт в разных формах, у нас одни и те же мотивы и цели, к которым мы приходим своими причудливыми путями. Цель никогда не оправдывает средства. Очень важно, чтобы сам процесс ее достижения был как можно более человечным. Представьте ситуацию, есть два правителя разных стран, они добились одной и той же поставленной цели: обеспечить свою страну ресурсами и безопасностью. Одна страна сделала это методом бесчисленных войн, другая — более дипломатично. К сожалению, у меня нет примеров из практики, ибо в реальности не существует абсолютов, но и так понятно, что в стране, где всё было достигнуто мирными путями, сами люди будут подсознательно настроены так же, и наоборот со страной, которая прошла это через силу. В ней гражданских войн будет больше, чем мировых. Если войн не будет, то точно повысится процент преступности. Снова, цель одна и та же, но людям, которые будут стоять за этим, стоит задуматься о последствиях всех этапов, о которых только возможно задуматься, взяв за корень людскую психологию, и за лепестки возможное будущее.

Теперь, когда вы понимаете, как я в целом мыслю, можно приступить к рассказу.

P.S. Считаю необходимостью сказать вам о том, что всё (действия, чувства, мысли), что я буду описывать дальше, и что описал сверху, обязательно каким-то образом фигурировали и продолжают случаться в моей жизни. Тут нет ни капли выдумки и преувеличений, лишь чистая информация, которая сразу прошла через мой фильтр восприятия мира. Вся эта книга один сплошной сборник ассоциаций и впечатлений от моих умеренных и безысходных страданий, за 3 месяца которые всё же дали свой результат через кровопролитие.

КАТАРСИС — ЭТО НЕ РЕЗУЛЬТАТ, ЭТО ПРОЦЕСС. ЭТО МЫСЛИ ЧЕЛОВЕКА, НЕПРЕРЫВНЫЕ МЫСЛИ, ГДЕ КРОВОТОЧИТ КАЖДАЯ БУКВА, А ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОЗДАЕТ РАНУ. КАТАРСИС — ЭТО НЕ УДАЛЕНИЕ ШРАМОВ, ЭТО ИХ ПРИНЯТИЕ И ВЫСТАВЛЕНИЕ НА ПУБЛИКУ. ЭТО СУМАСШЕДШАЯ КРАЙНОСТЬ МЕЖДУ ГЕДОНИЗМОМ И МОРАЛЬЮ. ЭТО ПРОТИВОРЕЧИЯ, КОТОРЫЕ ЧЕЛОВЕК СОВЕРШАЕТ КАЖДУЮ СЕКУНДУ, И ОПРАВДЫВАЕТ ЭТО СВОЕЙ ГЛУБИННОЙ НРАВСТВЕННОСТЬЮ. КАТАРСИС — ЭТО ДЕЙСТВИЕ, БЛАГОРАЗУМНОЕ ДЕЙСТВИЕ. ДЕЙСТВИЕ, ОСНОВАННОЕ НА РАЦИОНАЛЬНОСТИ. РАЗУМ ДОЛЖЕН КОМПЕНСИРОВАТЬ ДУШУ И НАОБОРОТ, И МОМЕНТ, КОГДА ЭТО СЛУЧИТСЯ, ЭТО И БУДЕТ — КАТАРСИС.

ЧАСТЬ I

Глава I, Неопределенность

Если судьба и вправду существует, то мне было предрешено в неё не верить.

Июнь, этого же года. Когда все восклицают о каникулах, я понимаю, что мне теперь одному справляться с моими мыслями. Предугадывая будущее, хочу сказать, что это ничем хорошим не закончится.

Как же хорошо себя чувствовать молчаливым в том окружении, где все говорят про что угодно. Как вам это описать. Мне нравится проводить время только с теми людьми, которым есть что сказать, но они предпочитают развлекаться. Просто развлекающийся человек меня не интересует, а для разговора мы ищем интересы, в основном совместные. Мимика человека может рассказать о целой истории, этим я и определяю; это просто очередной гедонист в моей и так от реального мира отдаленной жизни, или кто-то, кто пришёл к этому гедонизму после раздумий. Очень жесткое разделение, верно? Было бы намного грубее связываться с человеком, с которым ты чувствуешь себя некомфортно, и тем портить жизнь и себе и ему.

До каникул всё было отвратительно, сейчас — ещё хуже. Я не верю, что человек, у которого всё хорошо в жизни, может прибегнуть к самоанализу. Да, это полезная вещь, но только в том случае, когда она приносит практическую пользу. Смысл копаться в себе, когда клад уже лежит снаружи, перед твоими глазами? Я не нашёл этих сокровищ, и теперь с ничтожной надеждой пробую найти их в себе.

Повторяюсь: ничего хорошего это не предвещает.

(Как же хорошо описать про всё это, когда уже разобрался. Невероятное чувство. Сложно принимать, что тот мир, который под тебя не адаптируется, ты какими-то остатками сил умудряешься прогнать под себя.)

Каков был мой первый день лета. Вода вкуса воздуха, воздух вкуса еды, еда вкуса воды. Это всё было из-за безразличия. Дома были некоторые люди, я их по привычке зову «семья». Я с ними разговариваю, тоже интересное явление.

Почему я не могу чувствовать вкусы при безразличии? Нужно обязательно понять принцип работы, в обратном случае я потеряю способность различать вкус вообще. А, вот, кажется когда писал разобрался. Вкусы нужно различать, а безразличие этому обратное действие. По теории можно так и принять, дать этому какой-то двусмысленный контекст, с которым мой разум ещё разберётся, и двигаться дальше. Но нужно капнуть ещё глубже.

А в целом, лучше на 15 минут остановиться. Это всё произошло слишком резко, я начал думать про совершенно бредовую вещь, и её анализировать, ибо я анализирую абсолютно всё. Хотите проанализировать камень? Мне неважно, чего вы хотите...

— А?

— Что?

— Ты что то сказал про какой-то камень, а до этого мямлил монолог про какие-то анализы или что-то в этом роде.

— Было слышно?

— Было.

— Я помешал?

— Нет. Я ничем не занималась.

Мысли вслух. Я практически потерял связь с реальным миром, это опасно. Откуда я буду брать информацию, если не оттуда? Внутренние ресурсы должны постоянно обновляться, а без осознания того, что я живу, и рядом со мной живёт много таких же существ, моим знаниям придёт конец. Это была моя сестра. Я не буду называть никого именами, они не дают столько

информации, сколько надобно. Информацию дают только глаза, а их вы не видите, так что просто можете каким-либо образом попытаться понять её характер в сюжете.

— А я вот занят — прибавил я после некоторого молчания. Да, я буду делать такие заметки, чтобы вы понимали, кто когда и при каких обстоятельствах говорит.

— Что делаешь?

— Думаю.

Клише.

— Это занятие?

— А чем ещё заняться?

— Архитектурой? (сарказм, видимо?)

— Это твоё дело.

— Точно, — как будто получив совершенно новую информацию, ответила она — как я могла об этом забыть!

И снова сарказм. Ненавижу сарказм, когда его используют другие. Они это делают как будто намеренно и с обидой, но сарказм должен употреблять человек, который вообще ни от чего в этой жизни не обижается; следовательно, мне тоже стоит прекратить его использовать в речи.

Этой маленькой и неопределенной скороговоркой закончился мой диалог с сестрой в зале. Я его проанализировал, но здесь об этом писать не вижу смысла.

Та маленькая группа людей, которую я называю семьёй, очень сильно помогает мне оставаться в рассудке. Каждый из них думает по другому, или просто я не думаю как они, но их мнение всегда интересно и важно узнать. Я, конечно, смотрю на ситуацию со всех углов, но в конечном счёте моего угла мне вполне достаточно, ибо в этом углу я чувствую себя в своей тарелке. Поэтому иногда подбешивает, когда просят посмотреть на мир другими глазами. Мои глаза и есть глаза других; следовательно, моих очей мне предостаточно.

По телевизору шло шоу про операции. Кого-то поместили под наркоз. От увиденного, я сразу стал таким же, как спавший пациент. Начал беспричинно смеяться, все конечности перестали мне подчиняться, вместо моей нормальной речи я стал произносить что-то невнятное. Насколько это связано с эмпатией я не знаю, но в этом определённно что-то заложено.

Мне не по себе от того, насколько хорошо я могу делать вид, что у меня всё в порядке. Я начинаю думать картинками. Рисовать я не стану, будуписать картины в тексте. Например, сейчас жизнь кажется вазой с трещиной в нижней части. Если бы я смог с самого начала полностью осмотреть вазу и заметить трещину, то я бы не стал ставить в неё цветы.

Уже поздно.

Мои мысли не прерываются. *Видимо, я попросил воды минуты 2 назад, потому что передо мной стоит кружка, которой точно не было.* Я не помню ни человека, которого я попросил мне ее принести, ни того, как это произошло. В любом случае, я выпил воду. Я не могу знать; это проблемы с памятью, или побочные эффекты моих постоянных погружений в себя. Иногда кажется, что я ничем другим и не занимаюсь; что я постоянно погружен в себя, и только по этой причине продолжаю каким-либо образом чувствовать себя живым. Я смотрю на мир изнутри, изучаю его так же, поэтому и не помню просьбы принести мне воды. Она просто мне была нужна, чтобы продолжить существовать, а всё, что связано с инстинктами, меня как будто не касается. Я отлично знаю, под этими слоями восприятия мира лежит именно тот инстинкт, от которого я так бесцельно хочу избавиться.

А может, инстинкт — хорошая вещь? Хотя нет, глупость. Он был бы хорошей вещью, если бы человечество имело место быть. Мне всегда казалось, что мы тут по ошибке, особенно такие люди как я. Мы же идём против правил природы. Имеем самосознание в какой-то степени, двигаемся по моральным принципам. А может, моральные принципы — тоже часть инстинкта? Чтобы продолжать род, нужно поддерживать всех из группы, а это невозможно без

морали, а с моралью рождается Бог, с Богом рождается страх, с страхом рождаются моральные принципы. Я запутался.

Второе июня. Цвет солнца капнул на меня и сжёг воспоминания о сне. Так было каждый день, я уже пять лет не помню мои сны, и не помню, чтобы я вообще что-то видел. Только утром по состоянию пульса могу догадаться, какой кошмар там творился. Другой человек был бы этому рад, а мне теперь страдать от того, что я не могу ничего вспомнить. Это ещё от моей привычки избегать воспоминаний, ибо они запускают цепочку всех тех других воспоминаний, которые я хочу забыть. Одно воспоминание как индикатор начинает мигать, а другие ему следуют.

...

Нет, тут я заканчиваю книгу. Именно ту, которую начал. В чём смысл рассказывать о событиях, пробуя вернуться в прошлое? У меня и сейчас есть что рассказать. Сделать книгу как дневник? Не слишком ли их много? А меня это волнует? В чём смысл сейчас задавать эти вопросы себе вслух. Давайте продолжу как дневник, если не понравится формат, его всегда можно изменить.

Кхм, Второе июня.

Это всё отвратительно и восхитительно одновременно. Пот не прекращается. Пока я жив, он не прекратится, когда я умру — перетечет в других. Спал я пять часов, еще четыре утром. Сон во время дня — это самое худшее явление из всех возможных. После того, как просыпаясь от такого сна, что-то невидимое и возможно существующее давит на тебя особым прибором со всех сторон головы, причём давит, входя в кожу. Сверлит тебе ухо, наливает туда городской шум, в ноздри впихивает запахи, которые там застревают и ждут подходящего момента, когда ты мокрым чихом отправишь их назад и вдохнешь что-то намного отвратительнее. Ноги должны нести человека в то место, которое он хочет. У меня никогда не работают ноги. А если бы работали, я бы выбрал никуда не идти. За день ничего не случилось.

Третье ию-

Нет это всё равно не то! Зачем я вообще пишу эту книгу? Это отчаяние. Я этого избегал, а чего я избегаю, обязательно приходит и ударяет мне в лицо. Становлюсь я на секунду уверенным в чём-то, и это что-то сразу мне доказывает, что в нём уверенным быть совершенно запрещено и моя уверенность только нанесет удар в мою решительность. Можно я просто буду писать? Можно представим, что я наделён бесконечным временем, бесконечным количеством бумаги и чернил, и решил написать бесконечную книгу? Можно я не буду ничего разделять на дни? Можно это не будет дневником? У меня нет хронологии, она просто абстрактный и понятный способ показать переживания. Но я переживаю одно и то же каждый день, и можно каждый день написать новую книгу по новому переживанию. Я просто буду продолжать писать. Писать, пока не устану. Читайте книгу не про хронологии, а представьте, что это всё человек подумал за тринадцать секунд и каждые тринадцать секунд снова об этом вспоминает. И пишет, пишет, чтобы помочь себе и другим. Пишет для тех, кто испытывает одно и то же, и не знает, как отсюда выйти. Пишет, чтобы сам в этом разобраться. Сейчас не третье июня, сейчас второе декабря. Я лежу в постели, это неважная информация. Важнее то, что я не чувствую себя на кровати. Если бы я сидел в одной майке на улице при температуре 4° по Цельсию и пил только что заваренный чай, я бы чувствовал себя в кровати больше, чем сейчас. Буду просто писать.

Я как губка впитываю всё в себя и сжимаю до последнего, чтобы увидеть, какой результат дают вещи, проходя через меня. Так же происходит с людьми. Есть ли у меня эмпатия? Иногда

кажется, что не совсем. Это больше походит на симпатию, чем эмпатию. Я ищу общее с людьми, с любым человеком у меня общаться не удаётся. Я слишком черствая губка. Но из-за моего объективного мышления, симпатия становится эмпатией, ибо меня с другими объединяет сам факт того, что мы оба люди. С животными меня объединяет то, что мы все живые существа, с природой — что мы все находимся на земле, со вселенной — что и я в ней нахожусь. Нет, у меня точно присутствует эмпатия. Я же никогда не был в наркозе, как я умудрился чувствовать практически то же самое, смотря на незнакомого человека в телеке? Нелепо.

Если ад и рай и вправду существуют, то мы уже находимся в аду. Брать ад и рай как крайности, что-то полностью доброе и что-то полностью злое. Мы, должно быть, находимся посередине, но почему тогда в мире как будто зла намного больше, по крайней мере в людях? Хотя кому как, злым людям я кажусь злым, потому что молчу, а они — мне, потому что говорят. Только я их в болтливости никогда не винил, а меня в молчаливости винили всю жизнь. Будучи ребёнком я был очень активным и добрым. Не знаю ничего добрее, чем моя версия с четырёх до двенадцати лет. Это был ангел, был мой человек мечты. Жаль, я слишком рано понял, что ему никак не выжить. Вернусь к аду и раю. Не хочу я жить в той действительности, где быть ребёнком — плохая вещь. Я сейчас буду сильно себе противоречить, но лучше так, чем сказать неправду. Видимо мы и вправду находимся в чём-то среднем. Если брать в расчёт «всё хорошее» и назвать это (+ВСЁ), а «всё плохое» — (-ВСЁ), то они вместе дают ноль. Моя главная цель — поместить (-ВСЁ) в модуль, но у меня пока что это никак не выходит.

Третье декабря. Я хотел написать «всё ещё второе декабря», но уже пять часов ночи, о чём я только думаю.

Появилась идея написать книгу с помощью персонажей, довольно оригинально. Я не могу сконцентрироваться на одном проекте и довести его до конца; как только что-то очень маленькое мне не понравится или появится идея лучше предыдущей, то сразу нужно всё бросать и начинать что-то совершенно новое. Да, мне никто не мешает прямо сейчас придумать несколько персонажей и поместить все мои мысли туда, и так отдалить себя от всего того, что пишу, но это так неискренне! Так неискренне и трусливо! Я не буду сдирать с себя кожу моего лица и помещать её на плод моего воображения. Я и так мазохизмом всю жизнь занимаюсь, а эту книгу затевал как блокнот размышлений с каким никаким сюжетом. Сюжет должен был проявляться в моих и чужих действиях, а исход — в логическом заключении. И куда я сейчас веду рассказ? Как будто я уже знаю куда, но это было решено за меня, а в судьбу я верить не хотел. Ещё про судьбу, у меня просьба: никогда не говорите, что «судьба у вас в руках». Если судьба как таковая существует, то она не может быть в чьих-то руках, и я говорю про судьбу абсолютную. Если думать, что существуют несколько судеб, и мы между ними выбираем, то тогда да, мизерный, несущественный, но контроль присутствует.

О чём это я.

Нужно начинать снова, но с персонажами. Снова не в том смысле, что сначала, а просто продолжить с персонажами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бессмысленно.

Вам, наверное, кажется, что так задумано. Что человек всегда знает, что он делает, даже когда он в отчаянии, и совершенно не в курсе, что происходит вокруг и внутри него. Я в отчаянии, я нерешителен. Я не могу подобрать жанр, это всё можно было в стихах поместить, что тоже мне не понравилось бы и пришлось в скором будущем начинать писать прозой.

Стоит характерный зной для северного субтропического пояса...

Я не хочу бросать вас в конфузии. Я не хочу, именно поэтому это у меня и получится. Когда пилоту говорят, чтобы он не врезался в другой самолёт, у него начинает потеть лоб, руки, он не знает что делать. Врезаться в самолёт становится легче. А когда ему говорят «доберись

до точки предназначения, соверши мягкую посадку» — у него сразу появляется цель! Я пилот, и я не знаю, куда мне садиться.

Я принял решение. Я буду вести хронологию. Да, на этот раз окончательно. Лучшего способа всё равно нет, а каждый день я помню отчетливо. Хронология будет идти по зигзагу, я то буду возвращаться в настоящее, чтобы поговорить о прошлом, то в прошлое, чтобы поговорить о настоящем, то буду говорить о будущем в настоящем и прошлом. Так вот...

Третье декабря, 16:54 (настоящее)

Весь день хожу по дому как сумасшедший. То берусь за книгу истории, то бессознательно поднимаюсь наверх и ложусь на кровать, потом так же бессознательно спускаюсь и не могу вспомнить, как всё это произошло. Зато отлично помню сам факт того, что это случилось. Вижу картину в голове. Бездонная яма, из которой также нельзя выбраться. Зато есть канат, и ты сам решаешь, спускаться в бездну или подниматься в бесконечность. Ты в любом случае ни до чего не дойдешь, толк в самом движении. Все ямы практически идентичны, но в некоторые падать намного легче. Любящий человек очень легко поднимается, и также легко падает вниз. Беспокойство — это боязнь отпустить канат.

Человек, который многое понимает, практически не живёт, человек, который решил избегать понимания — живёт в обмане. Выбор из двух зол. Да, нам всегда предстоит выбирать из двух зол. Что для нас лучше, то зло и выбираем. Моё зло это доброта. Она мне вредит, она вредит всем. Из-за моей доброты люди чувствуют себя неспособными на добродетельность. Разве это тогда можно считать добротой? Разве я не пытаюсь своей добротой убедить других в своей черствости, этим им вредя? Может стоит быть плохим человеком, чтобы не вредить другим? Глупость. И то и другое глупость.

Это размышления в настоящем, а прошлые выглядели немного иначе:

Седьмое июня, вечер

Всю жизнь буду пытаться быть лучшей версией себя.

И всё. Выходит ли у меня? Кажется, силы на удержание каната у меня закончились.

Девятое июня, полдень

Пошел к парикмахеру. Не по своей воле. У меня не было ни желания туда идти, ни сил туда ходить и говорить с людьми. Была половина пятого, градусов больше тридцати. Посидел, поблагодарил парикмахера, ушёл. Он был очень добр, и искренен. Иногда таких людей сильно не хватает. Людей, которые твою любую фразу превращают во что-то красивое, которые смеются над твоей неуклюжестью в хорошем ключе, и ведут разговор с такой лёгкостью, что удивляешься, почему другие люди не такие. Потом вспоминаешь, что сам не такой, и больше об этом не думаешь.

ЭТО НЕ ТО, ВЫ МЕНЯ НЕ СЛЫШИТЕ? Я НЕ МОГУ ТАК ПРОДОЛЖАТЬ ПИСАТЬ. Я ХОЧУ ПООЧЕРЕДНО ОБСУЖДАТЬ ТЕМЫ, КОТОРЫЕ МЕНЯ ИНТЕРЕСУЮТ. Я МОГУ КИДАТЬ КРАСИВЫЕ МЕТАФОРЫ НЕЗАМЕТНО ЧЕРЕЗ РАЗ, НО В ЭТОМ НИКАКОГО СМЫСЛА! Я ХОЧУ ОБСУЖДАТЬ, МНЕ НЕ С КЕМ. БУМАГА МНЕ НЕ ПОМОГАЕТ, ОНА НЕ РАЗГОВАРИВАЕТ, НО ОТЛИЧНО ПРОМОКАЕТ И ГОРИТ. Я ОТЛИЧНО ПРОМОКАЮ И ГОРЮ.

я придумал.

700 лет тому назад

Люди проецируют свой внутренний мир во внешний. Было одно и то же, что сейчас. Ничего не изменилось. Одни и те же типы людей, паттерны поведения, размышления.

4630 лет тому назад

Люди проецируют свой внутренний мир во внешний. Я, Хемиун, лежу на песке, пирамиды ещё строятся, я очень боюсь этого. Что подумают наши предки? Что это было каким-то

грандиозным явлением? Людей убивают, мы страдаем. У меня нет столько храбрости, чтобы сказать им, что они строят всё это просто так. Их ничего не ждёт потом. Я видел, что делают с теми, кто в таком признается. За правду людей бьют, я тоже «люди», и я предпочитаю молчать.

Несколько дней назад

Люди проецируют свой внутренний мир во внешний. Как некоторые вступают в мафии, и босс для них — это идеал, это их лучшая форма, так и для бездарей, которые не умеют жить, этим боссом являются философы. Людям **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно проецировать свой внутренний мир во внешний. Мы не можем быть уверенным во внутреннем, пока не увидим его отголоски в настоящем. Мы проецируем наш внутренний мир в нашем выборе. Человек, который любит всё контролировать, женится на человеке, которым легко манипулировать или держать его в страхе, остальные примеры придумайте сами. Я перестал видеть шахматную доску, я нахожусь под ней. Я шашка, я должен находиться под доской. Мной не будут играть. Это свобода? Нет, безразличие.

Про детство

Я любил разбирать уже другими собранные лего на части. Мне не нравилось смотреть на что-то собранное, пока я это не соберу сам. Нужно было изучить детали, начать то, что другим уже было начато, и понять, как ты сам к этому относишься. В фигурке очень много деталей, мне нужно увидеть каждую из них.

Пятое декабря

Я чуть не задохнулся, читая всё это. Я строю большую картину другими большими картинами. Смысл может даже не в тексте, а в том, как я его пишу. Я даже не смог определиться с жанром, и он начал определять меня. Текст меня пишет, я под него трактуюсь. Такой непонятный текст лишь очередной отголосок отчаяния. Можно же не страдать? Это может показаться лёгким, да и в целом кажется, но без страдания во мне всё пусто. Как будто я теряю способность говорить и думать. Как будто страдать уже закономерно для меня, и без этого ломается всё то, что во мне так долго строилось.

Так, я успокоился. Снова начинают появляться краски. Я имею точное понимание того, что случится завтра, и что я хочу сделать. Да, мне становится лучше. Сегодня всё ещё пятое декабря, мне полегчало. Если что случится, вы об этом обязательно узнаете.

Глава II, Пар дошёл до руки

Восьмое декабря (настоящее)

...если вода была бы тёплой, остался бы на два часа, стерпел бы даже остановку сердца. Вода была тёплой, горячей даже. Моим рукам было приятно, я чувствовал каждую каплю падающей на меня воды, как будто всё замедлилось. Было так спокойно. В душе влагу глаз не определить, она смешивается со всем, что там происходит. Хотелось остаться там вечно. Большая часть меня кричит, чтобы я включил холодную воду, но это лишь большая часть меня, а я привык прислушиваться к меньшинству. Идиотизм, но пока мне спокойно, я не хочу отсюда выходить.

Первая минута

Холодно, до жути. Холодно всё, кроме воды. Я смотрю на кафель, и мне становится холодно. Как будто я могу почувствовать текстуру кафеля во рту, точно знаю, какой он на вкус, какие мурашки он вызовет, если к нему притронуться, и какая у него температура. Он холодный, кафель холодный. Но я сюда не за кафелем пришёл, а чтобы принять душ и выйти. Душ я принимаю постоянно, возможно, чтобы успокоиться. Тут мне одиноко, и зная, что дверь заперта, чувствуешь что-то особенное, приятное и спокойное. Никто больше не сможет ворваться в эту дверь, ха! Что я несу. Пар поднимается очень медленно. Он поднимается до уровня руки. *Пар дошёл до руки.* Это индикатор, каждый раз, когда пар доходит до руки, нужно вспоминать о душе.

Вторая минута

У шампуня очень приятный вкус. Точнее — запах, очень приятный запах. Удивительно, как я умудряюсь мямлить даже у себя в голове? Или будет правильнее сказать «в мыслях, в раздумьях, в размышлениях». А есть разница, как сказать? Всё равно ясно же, о чём я думаю. Хотя, говорят, что «язык определяет мышление», нужно подбирать словечки получше. Так что не «словечки», а «слова». Не «лучше», а «уместнее». Не «не», а «вместо». Например, вместо «не „словечки“, а „слова“» можно сказать «вместо „словечек“ — „слова“». Да, определённо лучше. Но вместо всего этого можно просто принять душ. Пар дошёл до руки.

Третья минута

Да, принять душ. Всё для этого есть. Странно представить сегодняшний день без горячей воды, без водоснабжения и прочего. Странно представить, что у некоторых в сегодняшнем дне этого нет. Несправедливо же! Хотя с каких это пор я борюсь с несправедливостью, это же неотъемлемая часть меня. Я несправедлив по отношению ко мне; чтобы я не делал, это мерзко, отвратительно, не заслуживает никакого внимания, и бессмысленно. Другие тоже относятся ко мне несправедливо, относясь ко мне как к антониму моего отношения. Хотя, может они и вправду справедливы? Может, мы оба справедливы? Может, только я справедлив? Нет, у всех нас личность настолько изуродована, что, пробуя разобраться в «справедливости» и прочем, я пачкаюсь, и снова приходится уходить в душ. Кстати о душе...

Четвёртая минута (31-47 секунда)

...я же должен о нём помнить? Я в прямом смысле нахожусь под прямым потоком воды, которая потихоньку перетекает на пол, и я начинаю на него смотреть. Я смотрю на плитку. Вот у неё вкус и текстура очень сильно отличаются от кафеля. Мой глаз крючком охвачен и заострен на дурацкой плитке. Глаз онемел, он застрял и хотел смотреть на плитку настолько долго, чтобы по сторонам другие вещи начинали терять свой цвет. У него это вышло. Глазу было больно. Мне больно. Как будто глаз хотели отверткой из меня выкрутить и ногой размазать её по всей плитке. Сетчатка глаза растворяется, она теряет свой смысл и я понимаю: я смотрю склерой.

Мой глаз побелел. Но душ напомнил о себе, и спас меня. Или помешал, я не в силах отличать всё это. Пар дошёл до руки.

Пятая минута

Я то думаю в настоящем, то описываю происходящее, как будто это уже произошло. Я с собой говорю из будущего. Тут есть окно, если вдруг поплохееет, нужно обязательно его открыть. На улице 3°. Скоро Новый год. Я успел оттолкнуть от себя всех себе близких людей, и во всём виноват был только я. Я и мои импульсивные решения, которые от меня практически не зависят, но в этом случае это второстепенно. Я не учусь на ошибках, никогда. Я даже не считаю их ошибками. Я не принимаю ни ошибки, ни свою вину, ни слова и искренности других в свой счёт. Можно иметь немного самосознания, чтобы не поступать каждый раз как последний идиот. Мне этого очень не хватает. Пусть это будет мне уроком, чтобы я лучше относился к тем людям, которые подпустили меня близко к ним. Пар щекочет руку, я снова вышел из головы.

Шестая минута

Руке неприятно. Она хочет раздавить пар. У неё ничего не получится. Мой глаз застрял, странно. Странно, что я знаю, что он застрял, но ничего с этим не делаю. Так и со всеми явлениями в моей жизни; я отлично и подробно в курсе, что происходит, но себя в эту проблему не внедряю, и просто решаю остаться в сторонке. А можно ли решить проблему самому? Не знаю, не моих рук дело, хоть и дело напрямую касается меня. Особенно касается моих рук, как пар сейчас, и вызывает мурашки, оставаясь на коже.

Одиннадцатая минута

Три минуты остались незамеченными. Я забыл, что я делал все эти три минуты. Я думал? Мылся? Стоял и просто глядел на кафель? Не помню, но на мне уже грязные места от мыла. Что я делал эти три минуты? А нет, подождите, пять минут. Я не смог даже вспомнить то, что могу что-то забыть. Прошло пять минут, а не три. Впрочем, это ситуацию не улучшает. Пар дошёл до руки.

Двенадцатая минута

Пар дошёл до руки. Наконец рука поползла до шампуня. Я начал замечать шампунь, неужели! Так приятно держать что-то в руках, и не погружаться в мысли, а просто смотреть на шампунь и думать ничего, кроме полезности нанесения его на волосы. Скоро выйду из душа.

Тринадцатая минута

Но тут так приятно. Этот тёплый поток счастья, который оберегает меня от реального мира, никак не хочет меня отпускать. Он окутывает меня в паутину, которая загнивает на теле, но оставляет приятные ощущения. Как будто вода целует мне кожу. Может вместо счёта времени и концентрирования на душе будет лучше просто помыться и выйти? Пар дошёл до руки, и наплевать.

Четырнадцатая минута

Я смотрю на ручку душа, смотрю на дырки в ней... оно похоже на пистолет. Я случайно даже поменял хват ручки и подержал её как Глок, вода разлилась по всей ванной. Пистолет, в первую очередь, — способ самозащиты, но он отлично выполняет функцию самоубийства тоже. Выходит, самоубийство — тоже самозащита? А пистолет, чтобы бороться с одиночеством. Пар дошёл...

Пятнадцатая минута

Сердцу больно. Оно стучит так быстро, будто я живой. Нужно переодеться и выйти на прогулку, мне нужен воздух, любой. В голове пар хуже, чем в ванне. Всё закрыло туманом, мне никак не убрать туман из головы. Нет, я вышел из душа, его больше нет рядом, и это хорошо. На улице всё было хуже. Я боюсь смотреть на прохожих, вдруг они тоже посмотрят на меня. А ещё больше боюсь НЕ смотреть на них, ибо упущу их взгляд. Одному гулять очень невесело. Невесело, потому что погружаешься в себя, и вот именно там всё и невесело. От моих осколков

остался только клей, который их соединял, и мне теперь нужно найти новые осколки и собрать нового себя. Ужасная идея, я в этом уверен, но лучше, чем ничего. Меня напрягает всё, всё так сильно напрягает. Бровь дергается настолько быстро, что кажется; сейчас отвалится, сдерет с меня кожу, и оставит меня безликим. Моё лицо и так разделено на несколько частей, из которых только одно кажется приемлемым. Я поставил руку на сердце, и начал массировать, пока оно еще билось. Сердце — единственная вещь, которая бьет тебя на твое благо, его нужно хранить всеми силами.

Я не люблю диалоги. Монологи мне больше по душе. Они дают высказаться, а взамен ничего не требуют. Я плохой собеседник, я говорю только о себе, с надеждой, что мой лепет вызовет симпатию у переднего. С надеждой, что этот человек видит мир хотя бы капельку как я. Я бы не желал, чтобы все мир видели, как я, это было бы катастрофой, но и обратного тоже не желаю. Помните же, «люди проецируют свой внутренний мир во внешний», мне нужен мой внутренний мир во внешнем мире в виде другого человека. Этим другим человеком мог бы являться я, но мой внутренний мир и внешний никак не совпадают. Я могу думать и чувствовать всё самое лучшее, что человек может себе представить, но в действительности это никак не проявляется. Я неуклюжий, не умею говорить, не чувствую свое лицо и мимику. Мне всегда говорят, что у меня грустное выражение лица, а мне в это время кажется, что я улыбаюсь.

Я двуногое убожество, от слова «убогий» и «божество». Какого-либо рода божество из меня давным давно перетекло в случайную лужу на дороге, а «убогий» остался в строю. Глаза слезятся, я всего лишь гуляю и смотрю на деревья. Неужели я должен быть таким несчастным? Неужели это предрешиено, и я и вправду с этим ничего не поделаю? Но я разобрался.

У меня слишком сильные моральные качества, которые ничего мне не дают. Не дают пользы, надежды, доброты и благоразумия. Я уже давно перестал давать отпор любому человеку. Я себя испоганю этим, но почему-то мне кажется, что это как человеку мне важнее. Именно не давать отпор. Это так глупо, наверное, но я и одновременно верю в это. Верю, что моими действиями можно показать бессмысленность происходящего. К счастью, я просто смеюсь перед такими людьми, и у них не остаётся сил в атаке, но дома-то я плачу. Плачу, потому что этот человек не поменяется от моего смеха. Поменяется только его и так лживое отношение ко мне, он останется таким, каким был раньше. А таких людей попробуй убеди в своей мизерности. Нет, пока они живы — они бессмертны, и полубоги. Полубоги, это ещё мягко сказано.

Не хочу я жить с такими людьми. Я бы предпочел остаться один-одинешенек и даже не задумываться о людях, о прошлом и завтрашнем дне, даже о настоящем. Ничего мне больше не надо, кроме свежего воздуха, и одного мгновения, которое тянется на всю жизнь. Вся жизнь в одной секунде. На каждый момент я могу смотреть как на маленькую бесконечность, но оно душит меня. Слишком много настоящего в этих моментах, я в них не выживаю.

Да и общество никогда не было радо моему счастью. Я понимаю сущность людей, да, но моё счастье тоже можно потерпеть. Я сильно связан с обществом, но я ни в коем случае не хочу стать его частью. Я играю в крайности, мне либо быть на самом верху, либо — внизу. Мне будет плохо в любом случае.

Лепесток упал на сапог. Это было лучшее, что случилось со мной за последние 4 года.

Одно единственное, но закрывающее всё небо облако накалилось красным цветом от падающего солнца сзади. Облако было злым, оно превращалось в человека. Никто не знает, что такое явление может выкинуть, то грозу, то дождь. А может вообще ничего не сделать, побыть красивым, и уйти. Оно в любом случае навредит мне, либо своей красотой, либо своим поведением. Такому человеку, как я, мешает даже красота неодушевленных вещей. Люблю только архитектуру, точнее — обожаю. Именно архитектуру домов, они хотя бы принимают тебя, в них можно жить. Другие вещи тоже дают пользу, только не мне. Мне всё вредит, кроме думающих людей. И говоря «думающие» «люди», я не имею ввиду хитрых, активных, заботливых, а про тех, кто копает в мире и находит его огромную бессмысленность. Потом, из-за этой бес-

смысленности, становятся спокойными, доброжелательными. Если бессмысленно абсолютно всё, то зачем выбирать плохое? Поэтому я и даю отпор лишь своенравными способами. Это и эффективнее, и заставляет человека задуматься, хотя бы малость.

У меня нет ничего, кроме крайностей. Мне ничего другого и не надо. Что находится посередине — скверно, смутно, непонятно, не заслуживает никакого внимания. Из-за этого и приходит моя саморазрушительность, я не могу быть в высшем спектре крайности, и падаю вниз. Становлюсь худшим явлением из всех, которые только могу представить. Всё это сопровождается наивысшим уровнем самосознания, я понимаю всё плохое, что делаю в мой адрес и адрес других. Я понимаю, как можно сблизиться с другими, но почему-то при реализации плана промахиваюсь, не соответствую своему же организму и его импульсам, меняю своё агрегатное состояние, и больше к этому человеку никогда не подхожу. Укажите мне любого человека на улице, и я в первый же день своим отстраненным проведением испорчу все шансы на какие-либо отношения с ним. При этом, когда мне комфортно с человеком, я становлюсь лучшей личностью в мире, но чтобы сосчитать таких людей, хватит одной руки, причем, она должна быть сжата в кулак. Раньше был такой человек, я всё испоганил.

Я знаю только одно: **ЗАВТРА БУДЕТ ХУЖЕ.**

Отвратительно. Моё сердце упало в ногу. Оно тарашится, я хочу его выплюнуть. Хочу начертить на сердце поэму и съесть его назад, либо приложить кому-то на лицо и замазать его по щекам. Сегодня мне очень плохо, завтра будет хуже. «Завтра будет хуже, потому что ты сегодня сидел и плакал.» А. Вот и я наконец-то рехнулся. Даже если буду говорить с собой, то лучше обращаться на «Вы», я себе не близок и ближе не стану. Завтра будет хуже, потому что ты сегодня сидел и плакал... Враньё. Из меня давно не выходят слёзы, а если выходят, я их забываю как минуты в душе. Может, вода — причина моей периодической амнезии? Душ, слёзы, кружка с водой. Всё как-то запутанно. Как в жизни, кх-кх. Все проблемы — один большой лес, произошедшие от одного семени. Нужно найти первое семя. Найти, откуда этот лес начался, и сжечь это место, потому что вместо леса сейчас один сплошной сорняк. Если бы я умел любить сорняки, и принимать фактор самого их существования, то жизнь стала бы намного милее. У меня не получится, слишком много барьеров в голове, которые держат воду. Вода, вода, вода, вода...

Каждый день довожу себя мыслями до предсмертного состояния. Я не умею ладить с людьми, я жалок, я бессилён, а с людьми другие дружат из-за силы. У меня нет никакой силы. Моя доброта исходит из моей философии, и я знаю, насколько сильно я могу кого-то навязать на себя, а потом навредить ему, но я убиваю это в себе каждое утро. Может, эта злоба и помогла бы мне жить. Помогла бы чувствовать работу лёгких и сердцебиение в положенном для них месте, а не в ногах или вообще вне меня. Глаза бьются, я дышу шкафом спереди, а переваривание происходит в люстре, которая потихоньку увеличивается и проглатывает мою комнату. Я в свободном пространстве желудка моей же люстры. Моя люстра — это единственная люстра в мире, которая такая же бесполезная, как я. Я не вкрутил туда лампочки, она не подсоединена к электричеству. Просто висит на потолке. Разве такое можно назвать люстрой? Вряд ли. Этим же принципом страдальца нельзя назвать человеком.

Четырнадцатое июня. Завтра будет хуже, потому что я сегодня сидел и плакал. Я несу с собой все старые муки, каждое выражение лица человека, вздох, происшествие. Я создаю невидимое препятствие между мною и людьми, и не могу пройти через него. Подходя, чтобы поговорить с кем-то, подхожу с самым нейтрально-добрым выражением лица в мире. От меня сразу отходят. Неужели так трудно стерпеть 3 секунды приятной тишины. Почему от меня отходят? Почему со мной не говорят, когда я желаю людям только хорошего? Скоро всё это озлобит меня. Это желчь, она вместо пота выходит из моих ладоней и сжимает чужие руки. Рукопожатие — как способ самозащиты. Я сжѐг чью-то руку. От этого стало больно нам обоим, рукопожатие не получилось, значит — не выйдет и всё остальное.

Какова детерминация моих действий? К чему я всё это веду? Почему я не могу замечать маленькие детали, но как только смотрю на всю картину, то сразу появляется странное чувство; как будто я всё запланировал задолго до того, как сам это понял. Если это и вправду так, то я гениальный планировщик. И я не строю конструкцию этими планами, я разрушаю то, что долгое время строилось до меня. Интроспективная бомба, которая свой внутренний разрушенный мир с легкостью помещает в других, и взрывается. Взрывает там всё, от способности говорить до мечтаний и надежд. Надеюсь, через полгода эти самокопания дадут свой результат.

Восьмое декабря (настоящее). Всё стало хуже...

Сновидения усиливаются, они снова включаются. За ночь видел два сна. Я не знаю, из-за чего это происходит, но я отчётливо помню сны, и могу их пересказать. Так вот...

Сон первый

На мою голову надели пакет и куда-то отправили. Музей, большой. У него был внешний вид, как будто архитектор со всей силой пытался показаться интеллигентным человеком с растрепанным мировоззрением и с хорошим визуальным воображением, но у него ничего не вышло. Меня это взбесило. Хотелось укунить камень, которым музей был построен, и пожаловаться о вкусе любому незнакомцу, пытаюсь его и вправду убедить в серьёзности моей речи. Мы зашли в музей. Пакет не снимали, видимо было лень. Я его сам мог бы снять, но видимо было лень. Освещение было очень сильное, глазам больно к счастью не было. Хватаясь за эту оптимистичную мысль, я оставил пакет как солнечные очки. Ничего солнечного не предвещало.

Кто-то своей угрюмой рукой стянул с меня пакет, случайно содрал всю мертвую кожу с лица. Спасибо ему за это.

Освещение и вправду было сильным, я быстро к нему привык. Большие стекла, за ними картины не меньшего размера. Каждая картина чем-то отличалась от другой, каждая была особенной. Они были нарисованы от руки, правда в каждой картине сразу собиралось несколько стилей, собственно смею предположить, что на каждую картину работали несколько рук. Они все такие красивые, не то что музей. Мурашки по коже бегали как животные бегают от костра. Костёр не опасен, если его правильно использовать и потушить в конце. Мои мурашки не были потушены.

Что-то все эти картины связывало. Я не могу понять что. Под ними стояли гиды, мне показалось, что часть картин им и принадлежит. Гиды очень объективно объясняли картины. Мне стало неприятно. Я плюнул на одного из гидов, меня не выгнали из музея. Вместо этого в нём что-то поменялось. Я не смог определить что именно. Попробовал сделать это же с другим гидом. Что-то снова определенно изменилось. На третий раз всё осталось как было. Я успокоился.

Мои мысли определенно кем-то записываются.

Мне дали комнату в музее. Про родной дом просили не вспоминать, я согласился. Комната маленькая, но обустроенная. Кровать в размер двух кухонных столов, с правой стороны абстрактная лампа, которая постоянно меняла свой вид под моё настроение, и ванная с левой стороны. Еду они несли нам сами, жаловаться не могу, вкусно. Лампа меня раздражала, точнее — я раздражал лампу, что меня раздражало. Видимо стоит меньше смотреть на неё.

Я включил телевизор как белый шум и приступил к работе. К какой работе, я сам не знал. Передо мной стоял холст, много красок разных типов и кисти. Попросили нарисовать автопортрет. К счастью, рисовал я неплохо. Сел рядом с зеркалом, смотрел на себя и, не смотря на холст, махал кисточкой в разные стороны. Результат был намного лучше, чем я предполагал. Смотря на картину, можно было точно сказать — его нарисовал...кто-то. Видите ли, моё имя тоже попросили не вспоминать, и, честно говоря, мне только жить в гармонии и чтобы оста-

вили в покое, и пусть делают что хотят. Своё имя я помню, но оно на краю сознания. Смогу выговорить, если захочу в любой момент.

Зачем мне в комнате оставили зеркало? Неужели человека можно попросить забыть свой дом или имя, но при этом внешний вид оставить в покое? Я же помню себя, пока могу смотреть со стороны.

К искусству в музее относились недоверчиво. Оценивали её, сравнивали с другими видами искусства, а сами картины — с другими картинами. Я завтра выйду из комнаты и буду кричать посередине музея свою речь, сегодня нужно подумать, про что нужно сказать. Нужно, сначала, тайком подметить их сущность («Слушайте, народ безнравственный...»), потом заставить их задуматься (...неужели искусство настолько объективно, что...), или может лучше (...вы к картинам как к ЛЮДЯМ относитесь), да, думаю так лучше. В конце скажу (...на картину нужно смотреть со всех вероятных сторон, которые доступны человеческому разуму, и выбрать то, что вам показалось знакомым, либо понравилось, и хранить это до конца!...)»

Завтра пришло. Я ничего не сделал.

Другой день. Снова холст и кисти. Вместо рисования я решил прогуляться...

Тут мой сон оборвался.

Был ещё один сон про Хемиуна (архитектор пирамид). Я бы хотел поместить его в отдельную главу, жаль, он был не очень длинным, но что есть, то есть.

Сон второй

Кх-кх, 4630 лет назад

«Ненавижу солнце, и Бога солнца. Как можно считать Богом то, что нам так сильно мешает. Засуха. Нет земли рядом, рядом ничего нет. Только приспешники, камни, и неутолимая жажда сделать что-то ради фараонов. К чёрту они мне! С моими способностями можно было столько сделать для нашей цивилизации. Моего друга ученого убили недавно. Много народу сразу на него набросилось. Я даже не уловил причину в моменте, потом мне объяснили. Объяснение не заслуживает даже того, чтобы я о нём упоминал.

Я трус. Я такой трус. Этим всем людям можно вернуть самосознание двумя предложениями. Либо нельзя. Я этого и боюсь. Что, если на меня все разом набросятся? Разве я могу быть уверен в благоразумии таких животных? Почему я к ним даже так хорошо отношусь? Почему я пробую помочь им, хоть и принимаю их абсолютную беспомощность?

Слишком много вопросов. Да и вопрос всегда лучше ответа. Его можно задавать себе в любое время, и приходиться к разным ответам каждый раз. Меняешься ты — меняется ответ. А если сразу давать один ответ и так на всю жизнь, то станешь его заложником. Будешь под него подстраиваться. Потом пожалеешь, что вообще давал ответ, ибо новый предаст старый, то есть ты предашь старого себя. Я хочу предавать старого себя, ему от этого будет лучше.

Неужели люди и вправду строят всё это из-за страха? Неужели они не понимают, что если даже триста человек восстанет, то к ним присоединятся другие, и тогда против них ничего не сделаешь? У них и вправду нет какого-либо чувства свободы? Неужели быть свободным настолько отвратительно? Поймите меня, строить — отличное дело, особенно когда это что-то воистину красивое, но разве у человека не должно это быть вольным занятием? Собраться вместе, создать группу из индивидуумов, и с ними заняться чем угодно, что душа пожелает. Мой отец говорил — до нас также было. Возможно, всегда будет. Хотя я в это не верю. Не может всё человечество быть настолько жалким, как эти песчаные крысы.

Вот, одна огромная крыса бежит на меня, с лицом человека...

— Хемиун.

— Чего тебе?

— У нас проблема.

— Это у вас проблема, я в этом не участвую.

— Никто не хочет работать.

— В каком смысле?

— Посмотрите сами. Вы очень мало смотрите по сторонам, лежите себе на песке и непонятно чем занимаетесь.

— Я всегда занят.

— Чем Вы заняты?

— Делом.

— Что Вы делаете?

— Думаю.

Отлично ответил. Так постоит, они перестали работать? Неужели они поумнели?

Либо стали настолько глупыми, что кто-то крикнул «бунт» и они побежали за ним. Да, мне нужен бунт, но не результат, мне нужен процесс. Мне важно понять, как они пришли к этому бунту. Этот процесс изменит абсолютно всё. Если смотреть на конечный результат, то цель оправдывает средства. Но оказывается, что средства -это и есть цель.

— Так что скажете? — проговорил он под своим хоботком, видимо боясь моего ответа, — как нам поступить?

— Замечательно!

— Замечательно? — произнес еле еле, за всю жизнь впервые скривил рот криком, истерично — Что нам делать?

— Ничего не делайте! Хотя бы раз, прошу. У вас бездействовать получается так зрелищно. Сидите на песке, и считайте песчинки. Каждую из них. Увидите -построив пирамиды вы так же бессмысленно утратили бы свою жизнь. Сидите и думайте.

— Разве этим не Вы занимались?

— Занимался. И вам советую, по моему опыту.

— Хорошо. Я вообще-то для другого пришёл. Я с вопросом, и нет, со строительством не связано.

— Ну?

— Вам вообще знакомо понятие долга?

— Я зодчий. Как мне может это не быть знакомо. Может ты воспринимаешь долг как должное, я нет. Я вижу в этом будущее, и при этом ничего в этом не вижу...

— Не заговаривайтесь. Мне кажется, что Вы всё делаете для своего удовольствия. Меня это бесит, но хотел узнать ваше мировоззрение и понять наконец, как человек может делать две противоречивых вещи одновременно.

— Какие противоречия? Долг и удовольствие? Для многих это одно и то же, но, смотри: в нашем мире всё для этого есть. Да, может для тебя этого меньше, но каждый в любой момент может стать кем захочет, если приложит на это четырнадцать секунд раздумий, и тогда наслаждений и удовольствия будет тьма тьмущая. На чужие судьбы нам так и так наплевать, так что неважно, где ты находишься, среди народа или у власти. А для многих долг выполняет функцию самоудовлетворения. Выходит, долг — это ваше личное удовольствие, а ваше удовольствие — это ваш долг.

— Я ничего не понял. До свидания.

Отлично. Зачем ко мне заявляются вообще? Я даже не уловил момент, когда я согласился на разговор. С какой надеждой я вообще об этом говорю, или, что еще хуже — говорю ребусами. Нужно уметь просто не соглашаться на разговор, неважно каким способом, главное, чтобы мне от этого хуже не было.

Теперь мне кажется, что они лучше будут работать. Неважно наше будущее, неважно, как они думают, пусть лучше меня не донимают, особенно маленькими разговорами...

В пустыне жарко. Пот на лбу отвратителен. Пот на лбу хуже людей, но с ним ничего не сделаешь. С людьми ничего не сделаешь. В самое жаркое время дня даже оазис ничем не помогает, а в остальное время помогает очень слабо. Почему я так сильно забочусь о людях? Почему ещё сильнее о поте? Я не знаю. Я не могу знать, мне не позволено. Нужно поговорить с братом, Кахентом. Он думает практически так же, как я, но как-то умудряется сохранять спокойствие! Как это у него выходит? Как можно разбираться в людях и не отчаиваться? Как можно вообще разбираться в людях? Разбираюсь ли я? Я так не считаю, мы слишком изуродованы, чтобы в нас можно было разобраться. Я не счастлив нашему существованию, но с Кахентом всё равно нужно поговорить.»

...

Но и этот сон закончился быстрее желанного. Пар дошёл до руки.

Пар дошёл до руки.

ПАР ДОШЁЛ ДО РУКИ.

ПАР ДОШЁЛ ДО РУКИ.

ПАР ДОШЁЛ ДО РУКИ.

Сто двадцать первая минута

...

Глава III

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.